

УДК 94(47).084.1/2

DOI 10.26456/vthistory/2022.2.081–097

ГРЯДУЩИЙ ХАМ И ТОРЖЕСТВУЮЩИЕ «ХАМЫ». ИЗ ИСТОРИИ ЛЕГИТИМАЦИИ НАСИЛИЯ В 1917 ГОДУ¹

К.А. Тарасов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена эволюции употребления образа Грядущего Хама в условиях Российской революции 1917 года. Образ активно использовался очевидцами эпохи для описания политических и социальных изменений. Хамами именовали представителей низших слоев, получивших широкие права и свободы после свержения монархии. Указание на их низкий интеллектуальный и культурный уровень показывало разочарование образованных слоев в демократии, опасение, что она приведет к власти толпы и анархии. Смешивание «хамов» с теми политическими группами, которые представляли интересы социальных низов, использовалось для дискредитации социалистов. В конечном итоге это вело к тому, что Грядущий Хам понимался как угроза культурной элите, что создавало условия для развития ситуации по конфликтному сценарию.

Ключевые слова: Революция 1917 года, Грядущий Хам, хамство, социокультурный конфликт.

В 1919 г., в один из наиболее тяжёлых периодов Гражданской войны в России, увидел свет злободневный роман писателя и публициста Н.Н. Брешко-Брешковского «Его Величество Хам». В книге рассказывалось о событиях российской революции, и сам автор датировал её октябрём 1917 г. Последняя глава с показательным названием «Бронштейново быдло» представляла собой крайне эмоциональный текст, в котором автор высказался об описанных в романе событиях. Брешко-Брешковский писал о гибели России и предвещал, что «народ-предатель, народ-палач, народ-матерубийца и раб, не успевший сбросить свои невольничьи цепи», снова получит из рук победившей Германии монархию. Роман завершался таким пассажем: «Но пока эта монархия с Берлинским “клеймом” надвигается, для

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00369 «Процессы легитимации насилия: культура конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

одних – грозным, пугающим – для других – успокоительным и желанным призраком, до тех пор на Российском престоле поцарствует вволю и всласть – Его Величество Хам...»².

Подобно другим источникам личного происхождения, роман Н.Н. Брешко-Брешковского и его центральный образ, вынесенный в заглавие, нуждаются в комментировании. Хам на российском престоле – метафора, которая должна была быть понятной очевидцу событий, в современных реалиях не является в полной мере ясной. Вне контекста эпохи она может быть только поводом для необоснованных спекуляций. Вместе с тем изучение символов и образов революционной эпохи уже показали, какое исключительное значение они имеют для понимания исторических событий³. Поэтому ключевая задача данной статьи заключается в том, чтобы понять происхождение, эволюцию и значение образа Хама в текстах 1917 г.

Грядущий Хам

Очевидно, что слово «хам» отсылает к библейскому имени сына Ноя и может употребляться в нарицательном значении как проявление неуважения к прошлому, к традиции, культуре, предкам. Как фиксируют различные словари русского языка, оно используется в отношении грубого, наглого, невежественного, невоспитанного человека. Однако упоминается и «устаревшее» значение данного слова. Хамами называли и людей, принадлежащих к низшим слоям общества, со свойственной им «низкой культурой»⁴. Например, согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, это «бранное прозвище лакеев, холопов и слуг», крепостных крестьян⁵.

По всей видимости, именно в социокультурном смысле слово использовал писатель и философ Д.С. Мережковский в статье «Грядущий Хам». Она была опубликована в декабрьском номере журнала «Полярная звезда» за 1905 г. Хотя напрямую об этом не говорилось, автор откликнулся на события Революции 1905 года. Философ вопрошал: «Откуда взялись эти коронованные лакеи Смердяковы, эти торжествующие хамы?» Он пророчествовал, что наступало время мещанина, не в сословном, но в культурном смысле этого слова – время безбожной и пошлой «массы», прихода к власти социальных низов. Мыслитель с ужасом ожидал нарастание «стихий» и предупреждал: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства

² Брешко-Брешковский Н. Его Величество Хам. Петроград; Одесса, 1919. С. 181.

³ См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года СПб., 2012; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М., 2017; Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М., 2020.

⁴ См.: Флоря А. О концепте «хамство» // Свободная мысль — XXI. 2010. № 1. С. 185–196; Химик В.В. Хамство в русском речевом пространстве // Академический вестник. Вып. 1 (20). СПб., 2013. С. 25–30.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого русского языка. СПб.; М., 1882. Т. 4. Р–V. С. 558.

и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам». По мнению Мережковского, будущее России имело «лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни». Неудивительно, что новые времена он видел исключительно в тёмных тонах, как период бездуховности, вседозволенности и воцарения зла⁶. Образ Грядущего Хама в тексте философа можно интерпретировать как его реакцию на появление «масс» на исторической сцене и процессы разрушения старых общественных ценностей, в том числе и религиозных.

Статья и последующий одноименный сборник Мережковского вызвали множество откликов от положительных (В.Я. Брюсов) до резко отрицательных. Автору ставили в вину его догматизм, чрезмерный социальный пессимизм, преувеличение опасности, неприязнь к свободе и демократии. Ф.К. Сологуб утверждал, что хамство являлось пережитком старого строя, а, следовательно, было не грядущим, а уходящим явлением⁷. В любом случае образ, предложенный философом, не остался незамеченным. Долгое время он использовался для описания культурных явлений. Так, в 1914 г. Д.С. Мережковский назвал «ещё одним шагом Грядущего Хама» движение футуризма с его эпатажным нигилизмом⁸. В этом с ним был солидарен и, например Андрей Белый (Б.Н. Бугаев)⁹. А теоретик искусства А.Н. Бенуа в январе 1916 г. увидел в ставшем знаменитым «Черном квадрате» К.С. Малевича «царство уже не грядущего, а пришедшего Хама»¹⁰.

Пришедший Хам

К «пророчеству» Д.С. Мережковского всё чаще стали возвращаться после падения самодержавия. Тот же А.Н. Бенуа уже 3 марта 1917 г. писал в дневнике, что свершившаяся революция представляла собой «экзамен русскому народу». С его точки зрения, страна стояла перед альтернативой: либо народ «обнаружит свою пресловутую, на все лады прославленную мудрость», либо «в нём возьмет верх начало разрушительное – “Грядущий Хам”» («все те элементы в характерно русской жизни, которые меня всегда коробили», – уточнял Бенуа)¹¹.

Если художественный критик в данном случае писал о свойствах характера самого народа, то некоторые другие наблюдатели тем же понятием маркировали новые политические явления. Корпусной врач В.П. Кравков в эти дни, отмечая большое влияние Совета, ставящего во главу своей политики «исключительно интересы одного только пролетариата», признавался,

⁶ Мережковский Д.С. Грядущий хам // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 185–192.

⁷ Корецкая И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 193–194.

⁸ Мережковский Д.С. Еще шаг Грядущего Хама // Русское слово. 1914. 29 июня.

⁹ Корецкая И. Указ.соч. С. 195.

¹⁰ Бенуа А. Последняя футуристическая выставка // Речь. 1916. 9 января.

¹¹ Бенуа А.Н. Мой Дневник: 1916–1917–1918. М., 2003. С. 131–132.

что боится «грядущего хама»¹². Тогда же дипломат Л.В. Урусов назвал проявлением «некультурного хамства пресловутого Совета» попытку создания захоронения жертв революции на Дворцовой площади¹³. Драгунский офицер А.А. Столыпин негодовал, что с погон снимали царские вензеля «на радость длинноволосым хамам с наглыми глазами и заученными фразами»¹⁴. По всей видимости, он имел в виду агитаторов, представлявших Советы и комитеты. Порождением «Хама революции» преподаватель математики и общественный деятель С.П. Каблуков назвал протест «группы пролетариев» против увольнения сенаторов, не имевших юридического образования. Рабочие якобы мотивировали свою позицию тем, что «пролетарии, не имея никакого образования, все-таки свергли династию»¹⁵. Все эти свидетельства хотя и говорили о хамстве как о культурном явлении, отмечали поведение новых политических акторов, в той или иной степени связанных с Советами.

И в дальнейшем связь образа Хама с органами революционного самоуправления можно неоднократно встретить в различных источниках. В конце апреля публицист и сотрудник сатирического журнала «Бич» В.А. Амфитеатров-Кадашев в дневнике специально отметил, как ему понравилось мысль поэта А. Д'Актиля (А.А. Френкеля) в одном из выпусков изобразить «Совдеп» «в образе маскированного хама»¹⁶. Впрочем, в этот период такой рискованной карикатуры на страницах журнала не появилось. Нарцательное значение приобрела настоящая фамилия одного из наиболее известных деятелей Совета Ю.М. Стеклова – Нахамкис¹⁷. «Тут что-то и от нахала, и от хама», – записал в дневнике слова поэта К.Д. Бальмонта тот же Амфитеатров-Кадашев¹⁸. Сотрудник массовой городской газеты «Петроградский листок» Н.Г. Шебуев описывал состояние власти к осени 1917 г. популярным двустишием: «Там хам сидит на хамке-с. И правит всем Нахамкес!»¹⁹ С.П. Каблуков, комментируя известия о разгроме Таврического дворца после шестимесячного пребывания там Петроградского Совета, записал в дневнике: «Не неожиданные результаты господства пришедших хамов»²⁰.

¹² Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача (1914–1917 гг.). М., 2014. С. 306.

¹³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. Тула, 2014. С. 806.

¹⁴ Столыпин А.А. Записки драгунского офицера. 1917–1920 гг. // Альманах «Русское прошлое». 1992. № 3. С. 11.

¹⁵ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1917 // Литературоведческий журнал. 2009. № 24. С. 162.

¹⁶ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. М.; СПб., 1996. Вып. 20. С. 465.

¹⁷ Аксенов В. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 2. С. 465.

¹⁸ Амфитеатров-Кадашев В. Указ.соч. С. 468.

¹⁹ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 8 сентября.

²⁰ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. С 170.

Свидетельства современников, однако, указывают на то, что семантический ряд, объединённый именем Хама, был гораздо шире. Л.В. Урусов в начале апреля жаловался в дневнике на вагоны, забитые «грубыми солдатами», и делал вывод: «Хам пришёл на Россию»²¹. В конце мая он оставил запись, в которой перечислял возмутительные явления жизни, к которым из-за их распространённости он вынужден был привыкнуть. Урусов отметил, что ему постоянно приходилось сталкиваться с солдатами, слоняющимися без дела и грызущими семечки, заламывающими цены извозчиками и купцами, грязью на улицах, грабежами и убийствами и т. д. По всей видимости, именно эти явления он имел в виду, когда добавил к своему списку, что «привык к власти хама, что видно на каждом шагу». Автор дневника в этом пассаже вернулся и к солдатской теме: «Привык читать по утрам в газете, как по матушке России гуляет русский хам – русский солдат, творящий безобразия и оптом, и в розницу»²².

Сатирик А.Т. Аверченко в своём фельетоне упомянул один из случаев проявления хамства. Он описывал извозчика, заломившего невообразимую цену, как «невыносимо-развязного, опьяневшего от безнаказанности и сознания своей силы, мелкого, тёмного, жалкого хама», который вместе с тем был «сыном русского народа»²³. Хамством называл журналист Н.Г. Шебуев поведение члена Исполкома Совета, который мешал представлению в Михайловском театре, самоуправное введение новой орфографии в одной из гимназий Казани, отказ солдат платить за проезд в трамвае и тому подобные явления²⁴. Таким образом, не только появление политиков-социалистов связывалось с «пришествием» Хама, но и поведение социальных низов, использующих новый режим в своих целях.

Самые резкие высказывания в дневниках этого времени приходятся на лето 1917 г. Музыкальный критик Н.Ф. Финдейзен, описывая окружающую его действительность, называл её «мерзостью и анархией наших большевистских и серошинельных хамов». «От окружающего хамства буквально тошнит», – резюмировал он²⁵. Писательница Р.М. Хин-Гольдовская сетовала: «И какой же хам русский “всечеловек”. Хам, трус, предатель...»²⁶ Не сдерживал эмоции в эти же самые дни философ Н.В. Устрялов: «Позор. Ужас, ужас. Разгром, развал, сплошная деморализация. Стыдно чувствовать себя русским, да, да, стыдно!.. <...> Гниль кругом, всюду распад, разложение... Будь тысяча раз прокляты все эти солдатские депутаты, вся эта тупая и невежественная муть, эти господа сегодняшнего дня, – хамы пришедшие...»²⁷.

²¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 814.

²² Там же. С. 829.

²³ Аверченко А. Капли крови // Новый Сатирикон. 1917. № 25. С. 11.

²⁴ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 5 октября.

²⁵ Запись из дневника Н.Ф. Финдейзена от 2 июня 1917 г. // Прожито [Электронный ресурс] URL: <https://prozhito.org/note/573752> (дата обращения: 25.02.2022).

²⁶ Россия 1917 года в эго-документах: Дневники. М., 2017. С. 306.

²⁷ Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): Воспоминания и дневниковые записи. М., 2000. С. 152.

Подобная риторика встретила горячую отповедь со стороны близкого к большевикам А.В. Луначарского на страницах левосоциалистической «Новой жизни». По его мнению, речи о пролетариате и его задачах в революции, о грядущем социализме зачастую встречали указанием на «Грядущего Хама». «Для них рабочее движение есть восстание непросвещенной черни, ставящей сапоги выше Шекспира, Венеру Милосскую ниже самовара и т. д., и т. д. Для них это надвигающееся господство улицы, наглой, крикливой, безвкусной, которой никакое искусство не нужно... А, пожалуй, и того хуже – которой нужно своё искусство – искусство Ванек и Петрушек, ужасающая дребедень, потрафляющих на “скус” почетнейшей публики базарных фигляров»²⁸. Луначарский доказывал прерогативу народа, получившего после революции равные права, иметь собственную культуру. В данной статье можно увидеть проявления теории пролетарского искусства, которую после Октября политик будет воплощать в жизнь в качестве наркома просвещения.

В прессе можно заметить и другие формы политического использования образа Хама. Праволиберальная газета «Русская воля» одна из первых связала «пришествие» Хама с появлением большевиков. Всего через десять дней после возвращения Ленина из эмиграции на её страницах появилась заметка «ЛенинВаляй». Журналист писал, что о пришествии «хама» на Русь предупреждали писатели ещё до революции и его ожидали «как нечто роковое, неизбежное». Однако многие думали, что он появится из правых антисемитских кругов, «где-нибудь в вотчинах Крупенских, Замысловских, Марковых». Но, по словам журналиста, «хам» пришёл с совершенно другой стороны, «торжественно встреченный народом, марсельезой и прожекторами, которые освещали это торжественное шествие хама...»²⁹. Автор статьи использовал образ Хама для описания политического радикализма, будь то слева или справа.

На обложке июньского номера «Нового Сатирикона» художник Ре-Ми (Н.В. Ремизов) изобразил внешне отталкивающего субъекта, развалившегося с ногами на диване. Вокруг него разгромленная квартира: под ногами в кучу свалены книги, за спиной изодранная картина, с потолка свисает на веревке бюст Льва Толстого. Подпись гласила, что это большевик, восклицующий: «Вот все говорили “грядущий” да “грядущий”!.. А вот я уже и “пришедший”!..»³⁰ Карикатура являлась прямой отсылкой к Д.С. Мережковскому и возвещала о Пришедшем Хаме в лице большевика.

Корреспондент массовой «Петроградской газеты» в начале июня дал развёрнутую характеристику Хаму «нынешнего времени». Его свойства заключались в «прирождённом отсутствии стыда и совести, в преобладании физиологических стимулов над духовными требованиями, в подчинении ка-

²⁸ Луначарский [А.В.] Культурные задачи рабочего класса // Новая жизнь. 1917. 11 июня.

²⁹ Соловьев М. Ленин Валяй // Русская воля. 1917. 13 апреля.

³⁰ Новый Сатирикон. 1917. № 21. Обложка.

ких бы то ни было нравственных велений исключительно животным инстинктам». Хотя журналист и писал, что «хам – это понятие не классовое и не сословное», он явно намекал на поведение низших слоев общества. Вскоре после революции, «когда “власть ушла”, – революционная власть, доверив честь и свободу родины самому освобождённому народу, хам инстинктом учуял, что настало время его царствия». Из всего этого автор делал определённый вывод, что, если авторитет правительства не будет в ближайшее время установлен, «обнаглевший до последней черты и во всю развернувшийся, хам, выражаясь в его стиле, “слопает” нашу молодую свободу, к сожалению, не подавится ею и – сплюнет»³¹.

Через полтора месяца та же газета утверждала, что Грядущий Хам, которого долго ждали и о котором писали «учёные книги», пришёл. Он оказался не таким, каким «рисовали его пророки»: лушил семечки подсолнуха и плевался налево и направо, был «развязан до наглости». По мысли автора, этот персонаж не был способен на сложные мысли, не боялся крови, в трамвае «немилосердно отдавливал ноги “буржуям” и пачкал белые юбки “буржуйкам”». Его духовные запросы были ниже всякой критики. Отрицая Пушкина как буржуя, он признавал балаган высшим искусством. Выше Шопена, Бетховена и Чайковского ставил граммофон. Но самое главное, что этот тип низкой культуры являлся «членом партии левых из левых», неизменно «на трибуне, с пеной у рта, ревушим излюбленное “долгой!”». «В особенности он проявил себя на улицах 21-го апреля и в июльские дни», – утверждал журналист³². В обеих приведённых статьях можно увидеть использование устоявшегося образа с целью продвижения определённой политической повестки. Журналисты «Петроградской газеты» утверждали, что угроза оклократии могла быть преодолена сильной властью, а крайне левую политическую программу могли поддерживать только люди невысокого интеллектуального и культурного уровня.

Иное коллективное лицо Пришедшего Хама представил Иванов-Разумник на страницах главной эсеровской газеты «Дело народа». Он писал, что Грядущий Хам появился на улицах столицы после Июльских дней и «справляет своё обывательское торжество», распространяет «тёмные, непроверенные слухи, жадно смакует грязь клеветы и копит пока ещё бессильную злобу». Хотя несколько раз автор также подчеркнул внеклассовость этого явления, среди коллективного «хама» не встретить ни рабочих, ни солдат, которые несколько дней до этого держали в страхе город своими вооружёнными демонстрациями. «Эта нравственная чернь», как её называл Иванов-Разумник, носила котелки, панамы и шляпки. Она состояла из лавочников, инженеров, франтов, чиновниц и др. подобных типажей. Именно их критик назвал пришедшим Грядущим Хамом, который «царит на улице,

³¹ Омега. Завоевания хама // Петроградская газета. 1917. 7 июня.

³² Пришедший Хам // Петроградская газета. 1917. 13 августа.

призывает к погромам и насилиям»³³. Если в иных случаях образ Хама использовался для критики поведения «низов», то здесь можно говорить об использовании негативного значения в отношении «мещанства», городских обывателей. В определённом смысле такая трактовка была ближе к изначальному тексту Д.С. Мережковского.

Во второй половине года на страницах газет библейский Хам и хамство как культурное явление заняли прочное место. Автор «Нового времени» иронизировал: «Как ошибались наши антисемиты! Ища опасность для России в потомках Сима, они проглядели в судьбах государства роль колен Хама»³⁴. В той же газете автор фельетона о новых словах, пришедших в русский язык в связи с революцией, утверждал, что для каждой буквы алфавита появилось по несколько новых понятий: демократия, кооптирование, социализм, резолюция и т. д. Показательно, что для буквы «х», «хотя и с некоторой натяжкой», он выбрал именно слово «хам»³⁵. «Петроградский листок» называл современное состояние власти «хамодержавием»³⁶. Крайне правая газета «Новая Русь» в шапке каждого номера представляла себя следующим образом: «Наш первый враг – хамодержавие. Кто против “Руси”, тот за Царя Хама и ангелов его». (Газета явно намекала не только на социалистов, критиковавших позиции газеты, но и на Временное правительство, закрывшее газету «Русь», которая в августе стала выходить под названием «Новая Русь».) В том же смысле использовалось и понятие «хамократия»³⁷. Столицу России в шутку стали называть Хамбургом³⁸. Таким образом, образ Хама для описания текущих событий к осени 1917 г. прочно вошёл в политический язык прессы. В этом можно увидеть проявление разочарования в демократии, страх перед перерождением её в охлократию, в господство необразованных низов общества.

Торжествующий Хам

Хотя уже в середине июля 1917 г. в саду «Олимпия» шёл водевиль «Торжествующий Хам»³⁹, подобное развитие образа входит в широкое употребление накануне и сразу после Октябрьского переворота. Московская «Газета для всех» видела его в поведении работников продуктовых лавок: «Товар прямо швыряют в лицо, как будто отпускают его из милости, а не за

³³ Тугарин [Иванов-Разумник]. Улица // Дело народа. 1917. 8 июля.

³⁴ Ренников А. Маленький фельетон // Новое время. 1917. 29 сентября.

³⁵ Т-ов. «Русский» язык // Новое время. 1917. 20 сентября.

³⁶ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 27 августа; Скверная сказка // Петроградский листок. 1917. 20 сентября.

³⁷ Шишков В. Междоусобица // Новая жизнь. 9 июля; Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917-1924. М., 1997. Кн. 1. С. 96; Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 103; Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. С. 842.

³⁸ Стоглаз. На-лету // Петроградский листок. 1917. 16 августа; Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 27 сентября.

³⁹ Петроградский листок. 1917. 23 июля.

грабительские цены...»⁴⁰. Будто прочитав эту статью, московский служащий Н.П. Окунев описал в дневнике рынок на Сухаревке: «Никакой застенчивости, никакой тайны в продаже и покупке краденого, или заведомо спекулятивного. Вот оно – торжество хамокрации!»⁴¹. Буквально накануне свержения Временного правительства философ С.П. Каблуков, внимательно следивший за событиями этих дней по газетам, записал в дневнике: «Торжество мужицкого и социалистического хама, и снова запоздавшее покаяние и вопли неудовольствия и недоумения в лагере интеллигентных либералов и радикалов “цензовиков”»⁴².

Известный писатель И.А. Бунин, вышедший на улицу после октябрьских боев в Москве, записал свои первые впечатления: «Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День темный. Грязный. Москва мерзка как никогда. Ходил по переулкам возле Арбата. Разбитые стекла и т. д. <...> Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! Разгромили людоеды Москву!»⁴³ После совершившегося переворота Г.А. Князев так описывал своё отношение к произошедшим политическим событиям: «Будь проклята революция, как проклята война. Хуже войны революция. Что произошло? Хамы восторжествовали. Хамы пришли»⁴⁴. С.П. Каблуков выразил схожие эмоции, подводя итоги года: «10 месяцев русской революции, уничтожившей Россию как государство, опозорившие её, внесшие чудовищную разруху в хозяйственную, промышленную и бытовую жизнь страны и давшей торжество Хаму – мужику, рабочему, солдату и предателям жидам из интеллигенции, не могли сделать из меня ничего иного»⁴⁵.

Сатирик А.Т. Аверченко в фельетоне, который совсем не вызывает смеха, развернул метафору победы Хама: «Вся Россия опьянела от свободы, как Ной от вина. А пришел Хам, открыл её худое немывтое тело и показал это непристойное зрелище всему миру: – Видели пьяную дуру? Дорвалась, хи-хи. Несчастливая, обокраденная, изнасилованная Россия валяется, голая, во прахе, а Хам подталкивает её – мать свою – ногой и хохочет. <...> Россия! Мать моя! За что я люблю тебя, пьяная ты, несчастная, жестокая дура? Ведь мы за тебя рисковали своей свободой и головой – все Симы и Иафеты, мы, все, старающиеся сейчас прикрыть твою наготу, пьяная ты дуреха, мы, отталкивающие своей слабой рукой огромную лапу Хама, совлекшего с тебя ветхие одежды твои. <...> Однако, почему же, черт его побери, не хочется смеяться? Да потому, что не Хамы мы, а страдающие Симы и Иафеты, страдающие за всероссийского брата нашего, за Хама нашего»⁴⁶. В этом тексте очень ясно читается

⁴⁰ Родя. Хам торжествующий // Газета для всех (Москва). 1917. 18 октября.

⁴¹ Окунев Н.П. Указ. соч. С. 96.

⁴² Дневник Сергея Платоновича Каблукова. С. 178.

⁴³ Бунин И. Собрание сочинений. М., 2000. Т. 8. С. 60.

⁴⁴ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое. 1991. Кн. 2. С. 174.

⁴⁵ Дневник Сергея Платоновича Каблукова. С. 199.

⁴⁶ Аверченко А. За гробом матери // Новый Сатирикон. 1917. № 43. С. 2, 3.

трагедия интеллигенции, скрывающейся за именами Сима и Иафета. При этом сатирик разделил символические образы матери-России и Хама-народа, над ней надругавшегося.

С помощью использования образа «торжества» Хама маркировался целый ряд явлений, связанных с пренебрежением к авторитетам. В середине октября журналист Н.Г. Шебуев уже не стеснялся называть Торжествующим Хамом деятелей Советов, порочащих имя П.Б. Струве⁴⁷. Торжеством Хама правосоциалистическая газета «День» называла введение выборного начала в армии, когда офицеры могли превратиться в нижних чинов⁴⁸. Та же газета опубликовала открытое письмо–протест против ареста известной благотворительницы графини С.В. Паниной за принадлежность к кадетской партии. «Но нельзя пройти мимо, когда в борьбе с “контрреволюцией” валят все – вплоть до культурных ценностей, и хотя торжества вселенского хама», – негодовали подписантки письма Л.Я. Гуревич и Л.В. Хейсина-Щегло⁴⁹. Историк Ю.В. Готье гнусным и противным казалось размещение в царской ложе Большого театра во время спектакля «торжествующих хамов из солдатских депутатов»⁵⁰. Аналогично газета партии народных социалистов писала об обыске у Г.В. Плеханова: «гг. Бронштейны вызвали Хама, возвеличили его и послали его к... отцу русской социал-демократии выполнять своё гнусное дело»⁵¹. Сотрудник «Петроградского листка» негодовал: «Солдат, мужик и батрак будут отныне править Плехановым, Репиным и Короленкой и правили бы – будь они живы – Герценом, Толстым и Менделеевым. Откуда пришёл хам, никем не предусмотренный и никем не предсказанный?»⁵²

В этот же период образ Хама получил ещё один вариант своего развития. Незадолго до Октябрьского переворота художник Дени (В.Н. Денисов) опубликовал карикатуру «Владыка дней наших», на которой изобразил одутловатое лицо с бородавками, расплывшееся в кривой улыбке. На нечесаных сальных волосах этого субъекта лежала корона. Подпись под рисунком гласила: «Его величество Хам I. Взошёл на престол 21 апреля, коронован 3–5 июля 1917 г.»⁵³ (Даты означают столкновения в Петрограде в период Апрельского кризиса между сторонниками и противниками министра иностранных дел П.Н. Милюкова и в период антиправительственных демонстраций, так называемые Июльские события. – К. Т.)

⁴⁷ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 22 октября.

⁴⁸ К. Мученики // День. 1917. 17 ноября.

⁴⁹ Гуревич Л., Хейсина-Щегло Л. К аресту кадетов (письмо в редакцию) // День. 1917. 3 декабря.

⁵⁰ Готье Ю.В. Указ.соч. С. 111.

⁵¹ Хамы // Народное слово. 1917. 5 ноября.

⁵² Измайлов А. Горький плевок // Петроградский листок. 1917. 17 ноября.

⁵³ Бич. 1917. № 28. Задняя сторона обложки.

Гораздо более жуткий образ того же «Его Величества Хама I, Самодержца Всероссийского», как гласила подпись, был опубликован на страницах сатирического журнала «Барабан». Здесь мы видим уже откровенного бандита, взирающего исподлобья змеиными глазами с узкими зрачками. Его корона – это кастет, а сама фигура обрамлена пистолетами и выкидными ножами. В этой версии он «коронован в декабре 1917 г.»⁵⁴. Первый из двух карикатурных «величеств» должен вызывать отвращение, второй – страх. Водоразделом между ними служит Октябрьский переворот. Один и тот же образ использовался в разных политических контекстах, что, вероятно, повлияло на указанные различия в его интерпретациях художниками.

Образ коронованного Хама можно встретить и в других источниках. В письме своим товарищам в Москву, где только что закончились уличные бои, помощник комиссара 12 армии И.М. Собель (журналист и писатель Андрей Соболев) описывал свои чувства: «Милые, самое страшное во всём, что окончательно и безвозвратно пришёл его величество Хам и тяжёлыми сапогами придавил всё, плюнув на всё»⁵⁵. Газета «День», призывавшая противников большевиков прийти на выборы в Учредительное собрание, так описывала новую власть: «В крови и грязи затоптана свобода. Владычествует хам, вооружённый винтовками, пулемётами и пушками... Воцарившийся хам только этого и ждёт, чтобы вы, разочаровавшись в господстве права, ушли в сторону, представив ему торжествовать и измываться над несчастной родиной»⁵⁶. Использование образа коронованного Хама можно интерпретировать не просто как описание его победы («торжества»), но и как ощущение установления его безграничной власти.

Неслучайно приход к власти Советов, как прежде и Февральская система, назывался «хамодержавием»⁵⁷, а «хамотрясами» или «хамовозами» – автомобили, которыми пользовалось почти исключительно новое руководство⁵⁸. Правозеролевская «Воля народа» на страницах именовала большевиков и их последователей «хамами революции», не скупясь на слова для описания их интеллектуальной отсталости и жестокости⁵⁹. П.А. Сорокин разъяснял читателям позицию издания: «Мы же, старые революционеры переходим в лагерь контрреволюционеров и называем новый переворот не революцией, а ве-

⁵⁴ Барабан. № 28. С. 10.

⁵⁵ «... Россия – это мое». Письма Андрея Соболева Владимиру Лидину (1916–1926) // *TorontoSlavicQuarterly*. 2012. № 41. С. 239.

⁵⁶ К урнам, граждане! // *День*. 1917. 12 ноября.

⁵⁷ Наименьшее зло из возможных // *Воля народа*. 1917. 10 ноября; *Гиппиус З.Н.* Собрание сочинений. М., 2005. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников. С. 338; «Окаянные дни» профессора Орлова Е.И. // *Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева*. 2014. № 43. С. 23.

⁵⁸ Вести из России (со слов очевидца) // *Жизнь Алтая*. 1918. 23 июля; *Готье Ю.В.* Указ.соч. С. 120; *Претерпевший до конца спасен будет: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России*. СПб., 2013. С. 154.

⁵⁹ Напр.: *Чаадаев Н.* Знаменательный дебют // *Воля народа*. 1917. 26 октября; *А.К. Марксище, Лассальчик и Хам* // *Воля народа*. 1917. 3 ноября.

ликим преступлением, новую власть – не революционной властью, а преступниками, их сторонников – хамами революции, её порядки – диктатурой отбросов революции, их свободу – худшим видом рабства, бесконечно более худшим, чем рабство старого по рядка...»⁶⁰.

Поэт Рюрик Ивнев (А.М. Ковалев) в середине декабря 1917 г. задавался вопросом: «Почему среди “большевиков” так много “подонков”, так много самой ужасной, самой омерзительной и злобной черни?». Далее в дневнике он рассуждал по этому поводу: «“Большевизм” – это самодержавие наизнанку, это хуже самодержавия. Царское самодержавие – это была держава “белой кости”, а большевизм – это держава “хама”, ничего общего не имеющего ни с “обездоленными”, ни с “угнетенными”. Ужасный жандармский дух, “удушьё”. Когда думаешь о низости и зверстве этой черни, то страшно становится за человека»⁶¹.

Сторонников новой власти или по крайней мере тех, кто от нее выигрывал, очень часто называли именно хамами. Литературный критик Ю.И. Айхенвальд называл деятелей революционного движения «нравственными хамами» и «интеллектуальными виновниками злого дела», когда «дикие орды мужиков» «рвут библиотеки на цыгарки», «разбивают рояли и тяжелыми сапогами топчут картины великих мастеров»⁶². Журналист Н.Г. Шебуев, реагируя на слухи, что входе боев в Москве был разрушен храм Василия Блаженного, писал в начале ноября 1917 г.: «Грядет хам. Для него всякая красота – не стоит и плевка. Красота ли в искусстве, или в морали, или в доблестях, или в религии»⁶³. Журналист и далее использовал образ Хама, противопоставляя его интеллигенции: «Неужели те великие и богатые ценности культуры, морали, истории, религии, искусства, науки, общности, социальных доктрин, носители которых являемся мы, интеллигенты – неужели мы без боя уступим все это грядущему Хаму!»⁶⁴ Через месяц сотрудник «Петроградской газеты» развивал данную тему: «Весь прогресс насмарку. Университетов не надо, учёных людей следует послать в деревню пасти коров, офицеров разжаловать в солдаты, литературе наложить цепи, свободе поставить в противовес карательные экспедиции, а в общем устроить триумфальное шествие грядущего хама», как выразился ступшевавший талантливый писатель Д.С. Мережковский»⁶⁵. В данном случае заметен акцент именно на контркультурной направленности «хамов», бросающих вызов «культурной элите», доминирующим ценностям.

Реакция на такие настроения проявилась в статье «Пан и Хам», по своей риторике и образам не характерной для главной газеты большевиков «Правды», где она была опубликована. (Название статьи обыгрывает противопоставление

⁶⁰ Сорокин П. Осанна! Победителям // Воля народа. 1917. 1 ноября.

⁶¹ Запись из дневника Рюрика Ивнева от 15 декабря 1917 г. // Прожито [Электронный ресурс] URL: <https://prozhitto.org/note/225788> (дата обращения: 25.02.2022).

⁶² Айхенвальд Ю.И. Наша революция. Ее вожди и ведомые. М., 1918. С. 28.

⁶³ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 5 ноября.

⁶⁴ Шебуев Н. Дневник // Петроградский листок. 1917. 15 ноября.

⁶⁵ Сатурн. Без оглядки // Петроградская газета. 1917. 12 декабря.

«пана» и «хама» в польском языке, то есть людей знатного и «низкого» происхождения. Отсюда выражения: *My nie panu, my chamy; Cham czy pan?; Cham powinien słuchać swojego pana, bo po to się urodził!* – К. Т.).

Автором статьи выступил поэт-самоучка И.И. Тачалов. Текст начинался с эмоциональной речи некоего юнкера в кругу интеллигентных товарищей. Собеседник Тачалова «кричал о вековом зверстве и ничтожестве грядущего и уже воцарившегося Хама-народа, кричал, что вожди этого Хама попрали всё святое, великое и прекрасное». Поэт промолчал в этом кругу, где многие, во-видимому, разделяли подобные настроения. В газетной же статье он позволил себе обратиться к «освобождённому народу», разъясняя: «Малейшая твоя попытка очеловеченья – называется разнузданностью Хама, малейшая твоя самозащита – считается жандармским насилием над его свободой слова и правом личности; твоя победа называется гибелью всего возвышенного и прекрасного; твоё же воцарение, воцарение равенства – считается царством кровожадного зверя, царством антихриста...». Следуя такой логике, Тачалов приходил к оправданию гражданской войны: «Но в гражданской войне – нет братоубийства: в ней борются два смертельные врага: один – упоенный своим освобождением – бывший Хам, другой – взбешенный этим освобождением – Пан...»⁶⁶ Статья Тачалова была реакцией на антидемократические настроения части образованных слоёв и их вывод о том, что с «хамами» диалог невозможен и их стоит подавлять силой.

Мнение другой стороны данного спора можно понять по публикациям массовой городской прессы. «Петроградский листок» писал в середине 1918 г.: «Смешанный в общей неразберихе с буржуем труженик-интеллигент стерт и унижен; хам, мечтавший сесть за стол и положить на стол ноги торжествует, сменяя буйное торжество тюремной отсидкой»⁶⁷. Такие же горькие слова можно найти на страницах «Петроградской газеты»: «Интеллигенция боролась с самодержавием, интеллигенция победила самодержавие, интеллигенция повела восстание народа, но, выполнив этот долг, она остановилась. На засилье темноты она не ответила новой борьбой за свои права, за своё величие, она просто уступила место хаму и сама предалась слезам!...»⁶⁸. Именно люди, относившие себя к интеллигенции, воспринимали себя пострадавшей стороной в новых условиях.

На этом фоне в июне 1918 г. Д.С. Мережковский, автор образа, так активно использовавшегося в период революции, выступил со статьёй. Поводом для неё были те самые споры о месте интеллигенции на новом этапе революции. Переводя на язык метафор произошедшее в 1917 г., мыслитель писал: «Торжествующая русская демократия открыла дверь перед “царем-народом” – и вошёл Торжествующий Хам». По мнению философа, «запах» Торжествующего Хама чувствовался в «антиэстетике» социалистической

⁶⁶ Тачалов И. Пан и Хам // Правда. 1917. 2 декабря.

⁶⁷ Зарин А. Таинственный незнакомец // Петроградский листок. 1918. 3 июля.

⁶⁸ Райлян Ф. Революционная дряблость, апатия интеллигенции // Петроградская газета. 1918. 17 июля.

революции. Автор предлагал сопоставить красоту лиц в феврале и марте 1917 г. с лицами октября: «не страшные, а тошнвые, серые-серые, безликие, насекомоподобные». В новых условиях положение революционной интеллигенции, которая и привела к власти Хама, по мнению философа, было безрадостным: «Самодержавие царя не додушило интеллигенцию. Народ кончает дело царя. Собственно народ хочет “додушить” не интеллигенцию, а буржуазию, но демагоги уверили его, что это одно и то же»⁶⁹.

Заключение

Возвращаясь к роману Н.Н. Брешко-Брешковского, нужно сказать, что впервые он упомянул «Его величество Хама», говоря о некоем солдате, ставшем после Октября «товарищем военного министра», при этом продолжая ходить в прислуге и «преисправно уничтожать господские обьедки»⁷⁰. В конце своей книги писатель вернулся к этому образу, более подробно его описав. «Всё, что может лишь дать человеческая подлость, глупость и гнусность вместе с тьмой беспросветной и оголтелым, удержу не знающим хамством, всё это вдруг – не постепенно, а вдруг, тысячами, миллионами щупальцев из Петрограда и Смольного расползлось по всей стране..., – писал Брешко-Брешковский. – Чернь хлынула к власти и полуграмотным корявым солдатам, матросам и рабочим давались округа, целые армии, целые области, на поток и на разграбление»⁷¹. Таким образом, воцарение Хама, по Н.Н. Брешко-Брешковскому, это момент, когда представители низов общества с их «низким уровнем культуры» получили власть.

Историк В.Б. Аксенов справедливо отметил, что образ Хама в 1917 г. был семантически связан с большевиками⁷². Однако этим он не исчерпывался. Роман Н.Н. Брешко-Брешковского, свидетельства дневников и газетные статьи дают понять, что пришествием Хама, его торжеством и воцарением называлась сама социальная революция, фундаментальные изменения в общественной структуре. Именно в том «устаревшем» значении представителя низших сословий это слово использовалось для описания появления «масс» в политике и их возросшего влияния на развертывание революционного процесса. Социальные низы оказывались победителями, и это встречало сопротивление со стороны тех, кто считал себя носителями знания, культуры и т.п.

В этом смысле революционные события оказали влияние на содержание понятия хамства. Как отмечают современные исследователи хамства как социального феномена, оно может означать не только отсутствие культуры или манер. Оно может представлять собой особый тип коммуникативной

⁶⁹ Мережковский Д.С. Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 28 июня. Лекцию с таким названием Д.С. Мережковский читал уже в середине мая (Листок // Петроградский листок. 1918. 3 мая).

⁷⁰ Брешко-Брешковский Н. Его Величество Хам. С. 170.

⁷¹ Там же. С. 179.

⁷² Аксенов В. Указ. соч. С. 465–466.

практики, эмоционально и вербально подчёркивающий статус и власть. Отмечается, что хамство нередко возникает в условиях, когда акторы получают ситуативную власть над людьми, имеющими в целом более привилегированный социальный статус⁷³. Как представляется, подобное заключение можно в полной мере распространить на случаи вызывающего поведения низших слоев населения в условиях революции как их своеобразного социального реванша.

Противопоставление интеллигента и «хама» демонстрировало глубокий социокультурный раскол. С точки зрения доминировавшей после Февраля в политике интеллигенции, низы общества были неспособны самостоятельно руководить государством, им нечего было предложить в качестве новой культуры. Оттого и репрезентация их поведения ограничивалась стремлением извозчиков побольше заработать, бездельников-солдат лузгать семечки, а неграмотных пролетариев встать во главе страны. В свою очередь, победившая социальная революция избавлялась от доминирования прежних привилегированных слоев населения. Отношение к интеллигенции после Октября зачастую строилось через призму «антибуржуйских» настроений низших слоев общества⁷⁴.

Образ Пришедшего и Торжествующего Хама помогает понять механизмы легитимации гражданской войны. Во-первых, это противопоставление целей интеллигенции и низов общества. Проявления самобытной культуры (как, например, привнесённая в город деревенская привычка лузгать семечки) зачастую считывались как беспорядок и хаос, а в перспективе как угроза «высокой» культуре и её носителям. Во-вторых, доминирование негативных стереотипов. Поскольку низы общества маркировались как примитивные субъекты, неспособные к созидательной работе, они не могли быть партнёрами для конструктивного взаимодействия и взаимопонимания. В-третьих, отождествление политического противника с негативным образом. С помощью образа Хама можно было дискредитировать те политические группы, которые стремились представить интересы низов общества, а следовательно, якобы защищали охлократию и бескультурье. Таким образом, складывался образ врага, конструктивный диалог с которым невозможен. Всё это, взятое вместе, углубляло социокультурный раскол, который акторы в итоге предпочли решать с помощью открытого противостояния.

Список литературы:

1. Аксенов В. Образы Ленина в визуальной сатире и причины краха антибольшевистской пропаганды // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 455–472.

⁷³ *Temkina A., Litvina D. Novkunskaia A. Emotional Styles in Russian Maternity Hospitals: Juggling between Khamstvo and Smiling // Emotions and Society. 2021. Vol. XX. NoXX. P. 101-102.*

⁷⁴ См.: *Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.*

2. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914–1918. М.: Новое лит. обозрение, 2020.
3. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: Издательство «ИстЛит», 2017.
4. Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.
5. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: Лики России, 2012.
6. Корецкая И. Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995.
7. Флоря А. О концепте «хамство» // Свободная мысль –XXI. 2010. № 1. С. 185–196.
8. Химик В.В. Хамство в русском речевом пространстве // Академический вестник. Вып. 1 (20). СПб., 2013. С. 25–30.
9. Temkina A., Litvina D. Novkunskaia A. Emotional Styles in Russian Maternity Hospitals: Juggling between Khamstvo and Smiling // Emotions and Society. 2021. Vol. XX. No XX. P. 95–113.

Об авторе:

ТАРАСОВ Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, (197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7), e-mail: info@spbiiran.ru

THE COMING KHAM AND TRIUMPHANT «BRUTES». FROM THE HISTORY OF THE LEGITIMATION OF VIOLENCE IN 1917

К.А. Tarasov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

The article is devoted to the evolution of the Coming Kham's (Gryadushchiy Kham) image in the conditions of the Russian Revolution of 1917. The image was actively used to describe political and social changes. Representatives of the lower strata, who received wide rights and freedoms after the overthrow of the monarchy, were called "khams" (brutes). An indication of their low intellectual and cultural level showed the disappointment of the educated strata in democracy, the fear that it would lead to the mob rule and anarchy. Mixing "khams" with those political groups that represented the interests of the social classes was used to discredit the socialists. As a result, this led to the understanding of the Coming Kham as a threat to the cultural elite, and creating the conditions for the development of the conflict scenario.

Keywords: *Revolution of 1917, Coming Kham, khamstvo, sociocultural conflict.*

About the author:

TARASOV Konstantin – Candidate of Historical Sciences, research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (197110, Russia, St. Petersburg, ul. Petrozavodskaya, 7), e-mail: info@spbiiran.ru

References

- Aksenov V., *Obrazy Lenina v vizual'noy satire i prichiny krakha antibol'shevistskoy propagandy*, Quaestio Rossica, T. 8, 2020, № 2, P. 455–472.
- Aksenov V.B., *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovyye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii, 1914-1918*, Moscow, Novoye lit. obozreniye, 2020.
- Buldakov V.P., Leontieva T.G., *1917 god. Elity i tolpy: kul'turnyye landshafty russkoy revolyutsii*, Moscow, Izdatel'stvo «IstLit», 2017.
- Florya A., *O kontsepte «khamstvo»*, Svobodnaya mysl' — XXI, 2010, № 1, S. 185–196.
- Khimik V.V., *Khamstvo v russkom rechevom prostranstve*, Akademicheskiy vestnik, Vyp. 1 (20), Saint Petersburg, 2013, S. 25–30.
- Kolonitskii B.I., *Antiburzhuznaya propaganda i «antiburzhuzskoye» soznanie*, Otechestvennaya istoriya, 1994, № 1, S. 17–27.
- Kolonitskii B.I., *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda*, Saint Petersburg, Liki Rossii, 2012.
- Koretskaya I., *Nad stranitsami russkoy poezii i prozy nachala veka*, Moscow, 1995.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022 г.